

Перевод с французского:

(Париж.) 7 мая 1861 г.

Милостивые государи,

Крайне огорчен невольным недоразумением, которое мешает мне расцеловать сына нашего благородного и прославленного Герцена. Я видел в Берне этого милого ребенка, этот цветок, пустивший ростки на нескольких могилах после явной гибели всех наших надежд¹; судите же, как огорчен я тем, что лишен возможности увидеть в нынешнем удалом юноше опровержение этих мучительных воспоминаний и утешение! Пусть он, по крайней мере, знает это и пусть передаст своему благородному отцу, что только новая гекатомба 8 апреля² смогла помешать мне сжать его в своих объятиях. Автор “Vivat Polonia!” и “Mater Dolorosa” поймет это мрачное препятствие, памятный знак которого я присоединяю к сим нескольким строкам искреннего извинения. Не можете ли вы, впрочем, отложить хотя бы на день свой отъезд и щедро почтить меня своим вниманием, зайдя еще раз завтра утром, чтобы устно принять выражение моей искренней и признательной дружбы?

Всецело преданный вам Людвик М е р о с л а в с к и й

¹ Дата ошибочно обозначена в автографе: 7 апреля. Она уточняется нами по содержанию: К. Фогт и Саша Герцен проезжали в начале мая 1861 г. через Париж, направляясь в Лондон, где должно было начаться их путешествие в Норвегию и Исландию. В Лондоне им предстояла встреча с Герценом. Упоминаемая в письме статья Герцена в защиту Польши “Mater Dolorosa” была напечатана в “Колоколе” 1 мая 1861 г.; следовательно, в письме от 7 апреля она не могла еще быть известна Мерославскому.

Мерославский мог видеть десятилетнего сына Герцена в Берне только осенью 1849 г. Называя его “цветком, пустившим ростки на нескольких могилах после явной гибели всех наших надежд”, т.е. надежд на успех революции, он намекает на гибель при кораблекрушении бабушки и брата Саши Герцена – Коли (1851), а также на смерть его матери (1852), т.е. в период, последовавший за революциями 1848–1849 гг.

² См. статью Герцена “10 апреля 1861 и убийства в Варшаве” (XV, 65–67), а также след. письмо.

Ю.-Б. ОСТРОВСКИЙ

Юзефат-Болеслав *Островский* (1803–1871; псевдоним *Ибус*) – плодovitый польский писатель, участник восстания 1830–1831 гг., политический эмигрант. В конце 1830-х годов был изгнан из Франции, однако в 1844 г. возвратился и стал работать переводчиком в полицейской префектуре – возможно, являясь одновременно осведомителем о польской эмиграции. В своих донесениях в III Отделение его штатный сотрудник Ю. Балашевич-Потоцкий часто упоминает об Островском, называя его своим агентом, однако документальные доказательства этого не обнаружены. Умер Островский в Мо под Парижем, где скрывался во время Парижской коммуны, опасаясь разоблачения и кары за свое сотрудничество с французской полицией.

Публикуемый ниже документ был опубликован как открытое письмо (на польском языке) в газете “Dziennik Poznański” (№ 61 от 12 июля 1861 г.). Этой публикации предшествовало изложение статьи “Петербургский университет” из “Колокола” (л. 102 от 1 июля 1861 г.) – о студенческих волнениях в связи с панихой по жертвам варшавской резни 27 февраля – со следующей вступительной заметкой: “Господин Ю.-Б. Островский, литератор, польский эмигрант, известный своими прежними резкими выступлениями, обратился от имени польских изгнанников в Париже со следующим адресом к известному русскому публицисту Александру Герцену...”

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. О к у - т ю р ь е на языке оригинала в ААН, 274–276.

Перевод с французского:

(Париж. 24 мая 1861 г.)

Милостивый государь,

Узнав о вашем благородном негодовании, вызванном кровопролитиями в Варшаве 27 февраля и 8 апреля 1861 г., которые, как вы сами утверждаете, были с таким вероломством задуманы и так жестоко осуществлены, мы сочли своим долгом

выразить вам свое уважение и политическую признательность. Предлагаем вам братскую любовь нашу¹...

Вы заслуживаете ее, милостивый государь, ибо мы видим и приветствуем в вас первого русского, требующего для Польши полной справедливости, совершенной ее независимости, ее исторических границ, ее отделения от России, – но, поверьте нам, отделение это – не для взаимной ненависти, а для взаимного понимания и для свободного, почетного объединения. Мы не видим сколько-нибудь серьезного повода, который мог бы разделить свободную Россию и независимую Польшу.

Вы совершаете, милостивый государь, дело, в высшей степени патриотическое. Рабство, навязанное Польше, – это рабство и для самой России. Принимая принцип восстановления Польши, вы закладываете прочный фундамент искреннего согласия между обеими странами и в то же время освобождения славянских народов, подчиненных германскому и оттоманскому господству. Да не покинет вас никогда сие святое внушение!

Россия и Польша, предоставленные самим себе, освобожденные от равно угнетающей их власти, легко найдут связь, которая объединит в будущем их славные судьбы. Пока же, в этот самый момент, из России делают палача, вызывающего презрение и проклятие человечества, а из Польши – жертву, жертву хоть и святую и бессмертную. Вы любите Польшу, милостивый государь, и она гордится этим. Россия подхватит вашу инициативу: на это мы надеемся, в этом мы не сомневаемся.

Что нас особенно в вас пленяет – это вызвышенность вашего ума, это чудодейственная твердость вашего характера, это чистота, святость вашей совести. Пред зрелищем этих отвратительных казней, замысленных истинно дьявольским духом, вы, ни минуты не колеблясь, признали и провозгласили, что прежде всего, в благородно понятых интересах России, необходимо спасти Польшу; что освобождение Польши – это начало освобождения для самой России. Как и в 1854 г.², вы советуете ныне своим русским братьям: “Не стреляйте в поляков – делая это, вы стреляете в самих себя, в свою родину: польское дело священо – воюя против него, вы совершаете преступление; уж лучше умрите”.

В 1831 г. мы боролись за свою независимость, в то же время мы боролись и за освобождение России, воодушевленные убеждением, что, оказавшись бок-о-бок со свободной Польшей, деспотическая власть, давящая Россию, неизбежно падет. Русские солдаты прочли на наших знаменах слова: “За нашу и вашу волюность”, яркое доказательство нашей любви и нашей преданности свободной России. Эту миссию мы продолжаем в 1861 г. Наши варшавские братья, мученики, пошли на смерть, призывая к независимости нашей родины, отвергая всякую ненависть к заблуждающимся русским солдатам. Они отказались убивать тех, кто подвергал их истязаниям...

Великолепно понял Польшу тот варшавский работник, который через несколько минут после кровопролития 8 апреля предложил хлеба русскому солдату, обессиленному от голода, хотя с оружия его еще стекала невинная кровь. Жертвоприношение и прощение!

Наш призыв 1831 г., наше мученичество в 1861 г. не бесплодны. Есть русские, великодушные и исполненные героизма, которые предпочитают скорей подвергнуться расстрелу, уничтожить самих себя, нежели убивать поляков, мужчин, женщин, детей, коленопреклоненных в молитве³. Поляки восхищаются этими русскими, почитают их имена и провозглашают их своими братьями. Россия и Польша уже имеют общих мучеников и общую веру. Из этого грозного, но божественного единения родится свобода России и Польши.

Продолжайте же, милостивый государь, свою безгранично великую и святую миссию: рассчитывайте на наше добросовестное участие и – уверяем вас – вы можете рассчитывать на добросовестное участие всей Польши. Это, впрочем, ее долг, это закон ее истории – идеи, создавшей польскую национальность. Польша обладает ясным и возвышенным сознанием того, что она совершает.

Мы допускаем, что в развитии этого великого принципа независимости Польши

и ее будущего союза с Россией, союза, свободно на себя взятого и спасительного для обеих стран, быть может, встретятся известные трудности. Однако мы твердо верим, что взаимная добросовестность наших стран, что согласованность великих славянских интересов, что непоколебимая воля создать братский союз сведут на нет эти трудности, гораздо меньшие, нежели принято думать. Обратитесь, милостивый государь, к нашей истории: она скажет вам, что мы никогда и никого не обманывали, не предавали; что тем народам, которые сами пожелали свободно к нам присоединиться, мы предоставляли или почтительно сохраняли у них то, что сами любили и что страстно любим, – свободу. Надеемся, милостивый государь, на полную преданность нашу великим и законным интересам русского народа. Вы знаете, что говорят о нас. Мы привыкли делать больше, чем обещаем. Мы просим у вас, у русского народа, доверия. Мы заслуживаем его – мы его достойны.

В самом деле, как создавались союзы литовцев, рутенов и пруссаков с Польшей в XIV и XV веках? Свободно, благородно. У нас просили покровительства, освобождения, политического союза, братства – и все это мы давали. Ни своих братьев, ни своей крови мы не щадили. Завоевания, насилия, предательства никогда не было! Всегда любовь и преданность. В предстоящем России и Польше будущем, которое долго исправить все, мы не откажемся от этих чувств. Мы, скорей, еще усилим их.

Примите же, милостивый государь, уверения в нашем уважении и братской любви. Мы просим вас передать наши чувства привязанности и преданности вашим друзьям в России и, как мы надеемся, искренним друзьям Польши.

Ж.-Б. Островский

Париж, 24 мая 1861 г.

¹ Статьи Герцена “Vivat Polonia!” и “Mater dolorosa” по поводу кровопролития в Варшаве вызвали волну частных и коллективных писем к автору от поляков самой различной политической ориентации. “Правительство нас еще раз сблизило, – вспоминал Герцен в 1868 г. – Перед выстрелами по попам и детям, перед свистящими пулями, поражающими распятия, поражающими женщин в трауре (...) – все вопросы и споры были забыты. Со слезами на глазах написал я целую серию статей, доставивших мне столько выражений симпатии со стороны поляков...” (XX, 295–296).

² Намек на листовку Герцена “Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше”, датированную 25 марта 1854 г., и на его статью “Польско-русский революционный союз” (XII, 201–204 и 206–213).

³ Вероятно, отклик на самоубийство гвардейского ротмистра барона Корфа, отказавшегося дать команду стрелять в безоружную толпу, или на самоубийство полковника Я. Пейкера, якобы протестовавшего таким образом против расстрелов 8 апреля 1861 г.

Р. РАЧИНСКИЙ

Рoger Рачинский (1819–1864) – сын известного историка, издателя и мецената Э. Рачинского. Участник познанского восстания 1848 г. После поражения его поселился на юге Франции.

Письмо печатается по фотокопии с писарского списка BRUG. Впервые опубликовано Г. Верещицким по авторизованной копии в “Przegląd Historyczny”, 1957, № 2, s. 234–264 (см. ЛЖГ III, 451–452) и позднее в ААН, 277–285, с ошибочно указанным годом: 1864).

Перевод с французского:

Познань. 22 февраля (1863 г.)¹

Милостивый государь,

Давно уже хотелось мне написать вам и стать к вам поближе, дабы выразить то уважение и признательность, которые испытываю за великое дело, предпринятое вами в России, так же как за исполненное справедливости и благородства отношение к Польше, кое вы всегда проявляли. К сожалению, подобное изъяснение моих чувств явилось бы не чем иным, как бесполезной и ничтожной демонстрацией вслед-